

Александр Иличевский

СПРАВКА НАЦЕВО

Александр Николаевич

НАЦЕВО
СПЪАВА

Александр Иличевский

СПРАВА НАЛЕВО

ПРО ВРЕМЯ | ПРО ГЕРОЕВ | ПРО ГЛАВНОЕ
ПРО ЛИТЕРАТУРУ | ПРО ПРОСТРАНСТВО | ПРО ГОРОД

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

МОСКВА
издательство
АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И43

Оформление переплета и макет —
АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Иличевский, Александр Викторович.
И43 Справа налево / АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВ-
СКИЙ. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной,
2015. — 576 с. — (Уроки чтения).

ISBN 978-5-17-088621-0

Александр Иличевский (р. 1970) — российский прозаик и поэт, лауреат премий «Русский Букер» («Матисс») и «Большая книга» («Перс»).

Его новая книга эссе «Справа налево» — о вкусах и запахах чужих стран и путешествий (Армения и Латинская Америка, Каталония и США, Израиль и Германия), о слухе: литературе (Толстой и Достоевский, Платонов и Кафка, Бабель и Чехов) и музыке (от Моцарта и Марии Юдиной до Rolling Stones и Led Zepelin), обо всём увиденном, что навсегда осталось на сетчатке и отпечаталось в «шестом чувстве» — памяти...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-088621-0

© Александр Иличевский
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

ЗРЕНИЕ

7

СЛУХ

147

ОСЯЗАНИЕ

259

ОБОНЯНИЕ

329

ВКУС

385

ПАМЯТЬ

455

ЗРЕНИЕ

6 декабря 1988 года профессор МФТИ, начальник отдела Физического института АН Сергей Анатольевич Славатинский, один из руководителей проекта по изучению космического излучения, перед отъездом в Москву устроил для аспирантов посиделки на высокогорной Нор-Амбердской лаборатории. Дав последние напутствия, С.А. поднял рюмку кизиловки: “Каждый раз, когда уезжаю из Армении, что-нибудь нехорошее происходит... Позапрошлый раз ногу вывихнул. Прошлый — перестрелка в аэропорту...” — “А вы, Сергей Анатольевич, не уезжайте”, — сказал один из аспирантов. Изобретатель рентген-эмульсионного метода регистрации космических лучей, разработанного на Тянь-Шане и Памире и апробированного на Арагаце, улыбнулся и кивнул: “Да, пора уже остаться навсегда”.

Нор-Амбердская лаборатория расположена на высоте 3800 метров у небольшого озера, чья сизая рябь открывается после серпантинного подъема среди ярусов альпийских лугов, обильно усыпанных труднопроходимыми горами камней. Озеро застилается несущимися клочьями облаков, и влажный холодный ветер пронизывает до дрожи, когда, привыкший к равнинной жаре, вылезая из машины в шортах и майке. На такой высоте температура воздуха падает вдвое, и уже чувствуется горная болезнь — десять шагов вызывают затрудненное дыха-

ние, в ушах появляется тихий нудный звон. Он исчезает, когда укладываешься спать на станции, укрываешься с головой тяжеленным, схожим по весу с куском асфальта, шерстяным одеялом и проваливаешься в беспробудный сон, глубокий настолько, что поутру не сразу вспоминаешь не только место, где находишься, но и себя самого. Таковы сны на Арагаце, который сам похож на сон — пустынный, елово-синий. Зимой склоны самой высокой горы современной Армении завалены снегом и доступны только вездеходу с закрепленными по бортам бревнами, используемыми для преодоления особенно глубоких рвов. Двадцать три года назад этот самый вездеход, значительно менее обтерханный, прощупывая заснеженный склон фарами, прибыл за Славатинским. После проводов научрука утром следующего дня один из аспирантов проснулся от страшной тряски. Ничего не соображая, он выбежал в пляшущий под ногами холл и увидел, как собранная из медных пластин полуторатонная люстра, раскачиваясь от упора до упора, долбит потолок. Первая его мысль была абсурдной: сошла лавина, и на озере треснул лед. Но всё оказалось страшней, невообразимей: треснули горы, и раскололось нагорье — в течение полуминуты были разрушены Спитак и сотни сел, погибло больше 25 тысяч человек.

На следующий день армянская молодежь Москвы с активистами МФТИ организовали вылет студенческого отряда на спасательные работы. Спали в солдатской палатке на полторы сотни человек. Разборы завалов велись круглосуточно. Уда-

ры кувалд и ломов раздавались день и ночь. Каждые двадцать минут по земной коре, на которой прежде стояли города, а теперь — десятки лагерей спасателей, и ютились оставшиеся без крова горожане, из самых недр бил гигантский тектонический “молот”. После каждого удара людей швыряло из стороны в сторону. Обезумевшие от горя женщины бродили вблизи развалин.

* * *

Нынешний подъем на Арагац сопровождается раскинувшимися там и здесь стоянками йезидов. По мере выгорания травы на нижних пастбищах стада поднимаются выше и выше. В конце июля пастухи с семьями достигают альпийского пояса, где живут в выгоревших на солнце брезентовых палатках, из которых торчат дымящие трубы буржеек, питаемых кизяком. Неподалеку от загонов для скота расставлены пчельники; некоторые ульи сколочены из обломков школьных парт и детсадовских шкафчиков: кое-где видны мишки, белочки, чипполины и вишенки. О йезидах в русской культуре известно в основном из приложения к “Путешествию в Арзрум”, и пора бы уже обновить эти сведения, но, полагаю, из-за принципиальной герметичности йезидов мы мало что узнаем нового. Айсоры мне рассказывали, будто бы йезиды исповедуют какой-то особый вид христианства. От армян я слышал, что йезиды — солнцепоклонники, почитающие священной птицей павлина; они не носят синий, ко-

торый считают цветом траура, и так их можно отличить от курдов — этнически ближайшего к ним племени, которые в то же время являются главными их историческими оппонентами и подчеркнута одеваются в синий. Любопытно помедлить у стоянок йезидов, украшенных гирляндами красных детских колготок и пестрых рубашечек, и, внимая покою гор, попробовать зарумяненного на открытом огне барашка.

* * *

Рыночная площадь Санаина. В этом селе родились братья Микояны — сталинский нарком Анастас и авиаконструктор Артем. Притормозивший таксист оглядывается на меня, смотрит вприщур, показывая золотой клык:

— Инглис?

— Нет.

— Русский?! Иди сюда, родной!

* * *

Путешествие по Армении — десяток климатических зон, целый веер типажей ландшафта — от степи до горного леса и каменистой пустыни высокогорья — сопровождается существенными перепадами высот и температуры, и вместо альтиметра можно пользоваться градусником. На озеро Севан выезжают из долин продышаться от жары, а на Арагаце — “ереванском кондиционере”, со склонов которого в долины стекает ежевечерний ветер, приносящий облегчение

и возможность заснуть, — можно околоть, и еще раз убедиться в справедливости первого правила путешественника: при поездке даже в самую жаркую страну непременно следует брать теплые вещи. Изумрудная телесность склонов, полных нежной синевы. Ближе к вершине по дороге волочатся подолаы облаков, и машина, карабкающаяся по неохватному взглядом горному простору, то и дело вязнет в баранных стадах, мало отличимых от вдруг оживших и потекших гряд камней, наполняющих распадки вдоль витков серпантина. На Арагаце у озера теперь кафешка с сортиром-будкой на взгорке; неподалеку у забора на рюкзаках сидят эстонские туристы с утомленными обветренными лицами. Лаборатория давно законсервирована; я лишь постоял у шлагбаума, взглядываясь в заложенные камнями окна.

Опрокидываем в духане по рюмке ароматно жгучей абрикосовой водки. На обратном пути движемся наперегонки с нагрянувшей из-за перевала бурей. Теперь машину потряхивает не только на ухабах, но и от порывов ветра. На спуске с Арагаца мои спутники развлекают себя разговорами, чтобы не было так страшно под грозовым фронтом, сыплющим молнии, как иголки и клинки. Один рассказывает об операции “Немезис”, другой — о том, как провел целый месяц в морском поселке на Чукотке, поджидая начало промысла китов. Я узнаю, что нет охоты более захватывающей, чем преследование и убийство кита, а операцию возмездия по точечному и последовательному устранению военных преступников первыми в мире провели не евреи, а армяне.

В Гегарде после службы из церкви живописно выносятся большие корзины с хлебом: этот хлеб предназначен для обряда “матах”; теперь его полагается раздать бедным. Дословно “матах” означает “подносить соль”, и главный смысл этого обряда — дар Богу через сотворение милостыни бедным, пожертвование. Пожертвованы могут быть мясо животного, которое должно быть особью мужского пола (ягненок, бычок, голубь или петух), хлеб и соль. Традиционен и символический матах, когда в небо выпускается голубь.

Восхождение на Арарат — обязательный пункт развития самосознания. Обзаводятся нехитрым снаряжением, собираются в паломнические группы и возвращаются с фотографиями, сделанными на вершине великой горы: люди в альпинистских очках стоят в снегу на коленях и молятся.

Некогда студент МФТИ, а ныне священник отец Месроп (Матевос) Арамян говорит, что Арагац — женственная гора: она вся сочится водой и плодоносит — пастбищами, садами, бахчами, а Арарат — гора мужская: сухая, сдержанная, пустынная и суровая... В последнее время Арарат посещают всё больше паломников.

По дороге в Амбердский замок, выстроенный еще в VII веке и служивший военным оплотом княжеской династии Багратуни, останавливаемся, чтобы побеседовать со старушкой. В белоснежных кофточке и платке, с посохом в руках и котомкой за спиной она стоит на склоне по пояс в травах. Зоя-джан прекрасно говорит по-русски, она долго

жила в Иркутске. Сейчас время сбора зверобоя и кипрея, пучки которых торчат у нее из котомки. Окрест кипят-гудят пчёлы, и храм цветущего куста шиповника на обочине дороги раскланивается с нами под ветром.

В горах ветрено, и обжигает солнце. Трав множество, самые пахучие — полынь с маслянистыми семенами и мелкая пижма. Дорога из Араратской долины на Арагац карабкается по языкам лавы. Несколько километров едем по мощному оползню, который вкрадчивым своим течением, преодолевая в год по метру, сдирает асфальт, разламывает толстенные подпорные стены и прорезает овраги, из которых еще надо уметь вырулить. После обсерватории, где экскурсовод с большей охотой рассказывал о целебных свойствах тутовки (рецепт для нормализации пищеварения и нервной деятельности: двадцать грамм утром натошак), нежели о проблемах астрофизики, дорога упорно взлетает петлями вверх, оставляя позади ярусы предгорий. Постепенно становится не по себе от исподволь набранной высоты, ибо земля закругляется под колесами, — почвы всё меньше, неба больше.

Перед нами Татев — первый университетский центр Армении, куда мы прибыли на фуникулере, тянущемся пять километров над Воротанским ущельем на самолетной высоте. У входа в этот мона-